

КОДЕКС ЧЕСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Николай Лакутин

18+

Николай Лакутин

Кодекс чести. Сборник рассказов

«Автор»

2018

Лакутин Н. В.

Кодекс чести. Сборник рассказов / Н. В. Лакутин — «Автор»,
2018

ISBN 978-5-532-10416-7

Здравствуйтесь, уважаемые читатели. Доводилось ли вам когда-нибудь читать историю в несколько страниц, превосходящую по смыслу полноценную книгу? Здесь можно встретить нестандартные, смысловые и вместе с тем лёгкие в прочтении рассказы, способные оставить послевкусие на года. Если же вы умеете читать между строк, то откроете иной смысл в прочитанных новеллах. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-10416-7

© Лакутин Н. В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Яма. Происки судьбы	5
Испытание на прочность	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Яма. Происки судьбы

Идея книги была написана за рулём на скорости 70 км/ч, пересекая центральные улицы города Новосибирска, дабы не потерять мысль.

Говорят, риск – дело благородное. Да, не в этом, конечно, случае, но всё же приятно осознавать что такие «долбанутые» ребята, способные на сумасшедшие поступки ради поставленной цели, ещё не перевелись на земле Русской!!!

Итак, поехали...

Поздний вечер пятницы. Уже совсем стало темно и второй день без конца льёт стеной дождь. И по захолустной российской дороге меж лесов и равнин едет старенький Nissan изрядно подуставший за свои шестнадцать лет эксплуатации. Да и водитель, парень, да нет, скорее уже мужчина тридцати двух лет, не выходя из-за руля последние тринадцать часов, тоже не выглядит свежим и бодрым. Возможно, подавленное настроение его связано не только с проделками погоды, но и с тем, что перед отъездом пришлось «поцапаться» на работе, где не очень-то любят отпускать в пятницу работников пораньше с работы.

«Долбаная система, совсем работников за людей не считают, зато как вышестоящее начальство по голове настучит, план поднимут, и сроки подрежут, так к нам сразу на «будьте любезны» и простите, пожалуйста, лишь бы помогли их горящие задницы из топки вынуть, а потом опять мы офисный планктон, никто, работяги...»

Радиоволны здесь уже не читаются, все диски с музыкой уже проиграны, да и надоели они уже, за пару лет, затёрлись совсем эти заезженные по ушам мелодии. И сейчас только слышно как льёт дождь, как покрышки режут воду на растрескавшемся асфальте, и посвистывает ветер в небольшую щель оконного проёма двери.

«Я что часто о чём-то просил за четыре года безупречной работы? Отпрашивался? Подводил? Я люблю свою работу, и, видимо, поэтому делаю её на «отлично», но как-то глупо, по моему, лишь посредством повышения тонов и с применением нелицеприятных слов удерживать человека, если у него возникла необходимость уехать сегодня пораньше. Мало ли какие у него на это могут быть причины, я не понимаю».

Рабочие мысли и нервозность прервались в одну секунду вдруг появившимся жёлтым силуэтом на дороге.

«А это что ещё там за хрень?»

Машина резким торможением издаёт визг из-под колёс. Удар, и немного изменив траекторию, но удержав дорогу, водитель останавливает машину.

«Ну и чё это было? И куда делось зеркало бокового вида... блин...»

Выйдя из машины и пройдя метров пятнадцать назад, мужчина видит девушку лет двадцати пяти в жёлтом дождевике. Она сидит на обочине дороги и из-за дождя почти не слышен её тихий робкий плач.

«Здесь неподалёку больница», – проговорила сквозь слёзы она.

Через двадцать минут они уже были в местной больнице. Дежурный врач осмотрел ссадины и ушибы, сказал, что страшного ничего нет, синяки сойдут примерно через полторы недели, пожелал быть впредь осторожнее, и ушёл допивать свой подстывший чай. И уже садясь в машину, водитель впервые с ней заговорил: – «Ну как ты?»

«Да как тебе сказать... херово, в общем»

«Что-то болит? Доктор не доглядел?»

«Да нет, тут всё ровно, пройдёт, тут в другом дело. Чё надо короче? Добрось меня вон до того поворота и вали», – вспыхнула девушка.

Проехав лужи и деревенскую грязь, притормозив на повороте, выпуская девчонку, водитель произнёс: – «Ты это, извини».

Девчонка уже почти вышла из машины, но вдруг села обратно, захлопнув за собой дверь.

«Давай, давай куда-нибудь отсюда, ну...», – вдруг скорым шепотом запричитала она.

Машина отъехала по основной дороге около километра и остановилась у ближайшего свёртка.

«Ну, всё, следующий съезд на трассу».

Но девчонка молчала и продолжала сидеть на месте. В таком молчании прошло ещё несколько минут.

«Мне как бы ехать надо», – продолжил водитель.

«Езжай, я тебя что, держу?» – вдруг как-то так с хитринкой и искрой в голосе промолвила она. И продолжила через затянувшуюся паузу: – «А ты оригинал. Чуть не угробил бедную девушку и так вот просто – извини».

«Как-то мы не заметно перешли на «ты». Как зовут-то тебя, бедная девушка?»

«Светка».

«Света – звезда мин... мррр... Светлана значит».

«Я тебе сейчас такой миньет устрой, остряк, не рад будешь», – и с такой хитрой улыбкой уставилась на водителя, что он немного смутился, даже немного покраснел.

«А..мм.. я почему-то был уверен, что ты не знаешь этой просторечивой поговорки. Друзья зовут меня – Миха».

«А подруги?»

«А ты тоже оригинал», – теперь уже заулыбался и водитель, – «Как же я люблю эту страну».

Опять молчание. Но уже в другом ключе.

«Ты что там делала на дороге-то среди ночи?»

Девчонка выдержала паузу, а, потом, как будто продолжая мысль, произнесла:

«Ладно, вон там я живу, давай зайдём, я чай поставлю, там всё и расскажу, да и тебе передохнуть не помешает, пока ещё кого-нибудь на капоте не прокатил, – с усталой улыбкой проговорила Светка, – только машину поставь подальше от дома, вон там, ближе к лесу её никто не тронет».

«Ну, заходи, не робей», – пригласила гостя хозяйка, и скрылась за открытой настежь дверью.

Тёмный неосвещённый коридор, какие-то ступеньки, запах просмолённых рельсовых шпал, из которых построена лачуга.

«Нда, зашвырнула же меня нелёгкая... Ау? Где тут дверь-то?» – спотыкаясь и оступаясь, тихонько пробасил ночной гость.

Через несколько секунд, открылась входная дверь, и Светка, ухватив за отворот рубахи, втянула Мишу в дом.

«Бросай тут свои боты, вон диван, садись, ложись, там, как тебе больше нравится».

Она закрыла на засов дверь, взяла чайник, набрала черпаком воды из полного бака, а потом на пару минут скрылась за перегородкой. Из-за угла доносились только какие-то шорохи и постукивание фарфоровых чашек.

Миша едва устроился на диване, как глаза сами по себе начали слипаться, веки тяжелеют, тело обмякло и прочувствовало всю усталость минувшего дня. На усталости сказалась тёрка по работе и томная езда и последние события, заставившие в определённые моменты подвергнуться переживаниям.

«Давненько меня так не срубало», – пронеслась в сознании полудремлющая мысль.

Но из объятий Морфея парня вывело прикосновение. Оно было таким нежным и лёгким, что не хотелось открывать глаза и что-то вообще говорить или двигаться, чтобы не спугнуть эту эйфорию.

«Минут через двадцать у нас будет кипяток, чай магазинный я не признаю, поэтому будем пить мой чай заваренный на травах, надеюсь понравится».

Молчание...

«Эй, Михуииииииил, ты, блин, спать что ли сюда пришёл? Кто жаждал услышать рассказ о том, как я оказалась на дороге среди ночи? Да и мне было бы интересно узнать, какого лешего ты забыл на старой объездной дороге. В основном все по новой трассе ездят, эта ветвь тупиковая уже с полгода как».

«А?» – воскликнул в сонном кумаре Мишка.

«Ага, доброе утро, билетик предъявляем за проезд!»

Мишка продрал глаза, осмотрелся, и, оценивая обстановку, уставился вопросительным взглядом на Светку. Девушка сидела рядышком на этом же диване, её рука, обнимая и прижимая к себе Мишку, теребила пуговицу на его рубаше.

«А чай?» – с тихой робостью промолвил парень.

«А у нас есть ещё двадцать минут!» – совсем тихо и нежно прошептала девчонка, кладя вторую руку ему на плечо и прижимая к себе ещё ближе и сильнее.

«Так вот, подруги зовут меня Мась», – уже через час произнёс Мишка, лёжа на разложенном диване обнимая одной рукой недавнюю подругу.

«Ну что, Мась, теперь ты просто обязан на мне жениться», – прозвучало с лёгкой иронией из уст Светки.

«Да я, в общем-то, с удовольствием, – не растерялся Миха. – Только вот одна жена у меня уже есть, вакантное место только на пост второй жены, ты как? Не против?»

«Не против, тем более что у меня тоже есть один муж. Собственно, это его я увидела, когда выходила из машины на повороте».

Немного помолчав, она продолжила:

«Да запивается, сука. Тут у нас из развлечений только самогон, ну вот он и развлекается с утра до вечера с друзьями-собутыльниками. Месяца два уже дело до супружеских обязательств не доходило, да и два месяца назад тоже так, лёгкий ветерок, не более...»

Он и домой уже неделю не заявляется, всё в сараях то Митьки, то Вадьки стаканами меряется. Я вчера сама пошла к нему вечером. По-хорошему, по-доброму, мол, домой хватит, я же тебя жду, тоскую, а он – пошла вон, потаскуха. Вадька с Митькой давно ко мне клинья подбивали, а я им в отказ, вот видно и нашептали ему дураку чего-то. А он и поверил. Живём с ним второй год, так сошлись гражданским браком, а дома ночевал сколько раз, можно по пальцам перечесть».

Девушка прижалась к Мишке посильнее и тяжело вздохнув, продолжила.

«Обидел он меня сильно. Я пошла к его мамке с папкой, пожаловалась, а они мне в ответ что, мол, люди просто так болтать не будут, видать был грешок».

«И ты что, из-за этого решила мне под машину кинуться?»

«Да нет, конечно. Я пошла, развеяться, смыть дождём все эти грязные эмоции и около часа ходила по лесу, вышла на дорогу. По ней никто почти не ездит, уже с полгода, с тех пор как новую ветвь пустили, и я смотрю, машина едет, а впереди яму дождём размыло, ну и я перебежала дорогу, чтобы встать у этой ямы, чтобы ты меня заметил и объехал, дождевик то яркий, жёлтый, всяко, думала, заметишь. И тут же поквиталась за доброту свою».

«А яма там здоровая была? Я чёт её вообще не видел».

«Нормальная, колесо бы там оставил наверняка».

Мишка прижал к себе спасительницу, нежно поцеловал и тихонечко шепнул: «Спасибо тебе» – а потом добавил: – «За всё... Ну, так что там с чаем?»

«Значит, говоришь, дорога тупиковая?» – допивая большими глотками подстывший чай спросил Миха.

«Да. Через несколько километров ты бы уткнулся в строительные блоки. Там каждую весну раньше грунт размывало. Ремонтировать каждый год надоело, и пустили новую объездную дорогу, а здесь минувшей весной ремонтные работы так и забросили...»

Беседу прервал стук в дверь.

«Открывай, сука», – раздался пьяный воинствующий голос из коридора.

«Это муж, Гришка, – шепнула Светка – сиди тихо, дверь заперта, он сейчас поматюгается да уснёт там, в сенях, дело обычное. Дрыхнуть будет до обеда, утром ты спокойно уедешь».

«Ты чё, не поняла? – с заиканием, жалобным стоном проревел за дверью супруг, и с грохотом кастрюль угомонился в какой-то части тёмного коридора. – Ты у меня узнаешь, кто под землёй редиску красит», – засыпающим пьяным нечленораздельным говором произнёс Гришка.

Тишина пролилась по комнатам дома, захватывая улицы и близлежащую окраину. Гришка спал.

Светка, молча, уткнулась в залитое дождём окно соседней комнаты, сквозь занавески которого пробивал тусклый лунный свет.

«Ты знаешь, – протянула она, – так хочется отсюда свалить. Навсегда. Начать совсем другую жизнь», – она провела взглядом от окна до Мишкиных колен и не взирая ему в глаза шепнула: – «Тебе не понять».

Никогда ещё не хотел Мишка так помочь никому, как хотелось помочь этой заблудившейся в себе девушке. Но он не знал, как это сделать. Да и вообще получается довольно скверная ситуация. За какие-то несколько последних часов он чуть не слетел с дороги, неожиданно для себя изменил жене и теперь сидит в закрытом доме в незнакомой деревушке с необыкновенной и немного странной девушкой со страстным желанием помочь ей.

За дверью послышался храп.

«Я бы очень хотел тебе помочь, Света, но у меня в мозгу нет ни одной адекватной мысли на этот счёт, извини».

Девушка встала, подошла к дальнему окну и произнесла: «Тебе лучше не дожидаться утра, мало ли что. Выходи через это окно, как дальше ехать, понял? Назад вернёшься до развилки, там на асфальт нормальный выедешь, не промахнёшься, да не гони сильно. И не смей меня забывать, Маська», – и девушка, пустив слезу, пошла к дивану.

Ехал не спеша. Дождь уже практически стих. Подозрительно яркая луна хорошо освещала мокрую дорогу. Проехал мимо той самой вымытой ямы на дороге, она действительно была внушительных размеров, девчонка не обманула. Близился Рассвет.

«Как-то всё так бестолково получилось», – циркулировала мысль в голове Мишки, – «зачем я оказался в этой деревушке, в этом доме с этой девушкой? Если бы не все эти обстоятельства, то я бы уже подъезжал в нужный мне посёлок, Мать с сестрой уже заждались, переживают наверняка. Позвонить бы, спросить, как там что, так трубка села, пока вчера перепалка на работе была, и нервы друг другу потрепали и трубку посадил, как-то всё бестолково складывается».

Через какое-то время машина достигла развилки. Мишка остановил машину. Вышел. Прошёл на пересечение дорог, где съехал не на ту дорогу, ведущую в тупик.

«Интересно, я проезжал раньше по этой трассе ни один раз. Почему я свернул не туда? Почему ехал в яму? Притом, даже минуя эту яму, всё равно упёрся бы в бетонные блоки. Ну,

доехал бы до блоков, развернулся и всё равно вышел бы на нужную дорогу. Может быть, судьбе было так угодно, чтобы в эти минуты и эти часы я был именно здесь, чтобы не ехал туда, куда мне нужно, и нужно ли?»

Дождь совсем перестал накрапывать. Стало видно, как начинает оживать природа после сна. Травка выпрямляться, ветерок ласкать, а первые тусклые лучики солнца едва стали пробираться из-за горизонта.

«Тогда получается, что Светка, или такие, как она способны менять сценарий судьбы. Ведь она выбежала на дорогу, чтобы оградить меня от аварии, но как, чёрт возьми, судьба ловко подкорректировала сценарий, исходя из новых условий, и я всё равно провёл несколько часов в той степи, где не предполагал оказаться.»

Мишка постоял на развилке дорог некоторое время, прикидывая и «раскладывая по полочкам» всё то, что произошло, потом посмотрел печальным и тоскливым взглядом в сторону дороги, куда предстояло ехать, потом взглянул на дорогу, с которой выезжал, проводил взор далеко-далеко в сторону той самой деревушки с той самой девушкой...

«Не забуду, Светка..., никогда.»

Сел в машину и поехал теперь уже в нужном направлении.

Через четыре с половиной часа Мишка добрался до нужного посёлка. Успокоил мать с сестрой, передал им деньги, некоторые вещи, немного перекусил с дороги и теперь уже крепко заснул.

На следующий день состоялись похороны отца. Мать вложила в руку покойного фотографию, на которой при жизни так весело и радостно отмечала пикник в субботу вся семья четыре года назад. Это была последняя воля отца. Поэтому Мишка и отпрашивался с работы и ехал по такой погоде с одной только мыслью – передать эту фотографию и выполнить последнюю волю отца. Вероятно, папка хотел, чтобы в этот самый момент, когда мать вкладывала фотографию в его руку, мы все ещё раз вспомнили, как нам было хорошо вместе, чтобы мы сквозь слёзы улыбнулись и хоть на миг перенеслись в ту солнечную субботу четыре года назад. И как бы это ни было странно, мы как будто чувствовали его присутствие рядом с собой, как будто он рядом с нами стоял и вспоминал те самые минуты, ... он был очень хорошим отцом, он был очень хорошим человеком.

Отца похоронили, поминки справили, и когда родные и близкие уже разошлись, мать спросила: «Всё в порядке сынок?»

«Да, мам, всё хорошо, жизнь продолжается», – ответил сын Мишка и крепко обнял мать.

На следующий день уже нужно было выходить на работу, поэтому, не предаваясь долгим беседам с матерью и сестрой, Мишка отправился в город.

Начались трудовые будни. Работа, дом, жена, друзья – всё встало на круги своя и понеслось непомерным темпом.

Продвижение по службе, повышение заработной платы, новые знакомые, новые развлечения, отпуска, вечера с друзьями, взял трёхгодовалого BMW X5 в отличном состоянии, начал откладывать деньги на покупку квартиры-студии, но в хорошем месте, и всё бы ничего, всё бы нормально, но вот ни как ни даёт Мишке Господь Бог детей.

Как ни стараются они с супругой, всё без толку. И по клиникам ходили, и по шаманам разным... у всех всё в порядке, а детей почему-то нет. Казалось бы, условия отличные, всё есть для ребёнка, и возраст состоятельный и финансовое положение стабильное, а детей нет. И деньги не в радость и развлечения – не развлечения... думы все об одном.

«Мы с тобой четыре с половиной года выжимаем друг друга... Всё было и как только это всё не было. Не хочет нам давать Боженька ребёнка, значит, есть на то своя причина» – как-то за ужином обмолвилась Мишкина жена.

Мишка отвёл тяжёлый взгляд в тарелку. Он и без того давно понимал, что чудес на свете не бывает и всё, что происходит – происходит закономерно и обоснованно. Но обосновать данную проблему он не мог.

«Как видно есть», – протянул он в ответ.

После этого разговора последние полгода совместной жизни Мишка часто замечал, что былой огонь супружеской жизни давно перестал греть их обоих, возродить пламя никак не получалось, хотя попытки были. Совместные поездки на курорты на пару недель, выходные на природе, ни один раз встречали рассвет на белых песках и провожали закат под треск костра на берегах небольших Сибирских рек. И когда уже второй месяц подряд ложились спать спина к спине, Мишкина жена предложила:

«Миш, тебе тридцать четыре, я четвёртый десяток скоро разменяю, а толку нет. Не жизнь это. Ты отличный парень, муж, друг, но я так дальше не могу жить. Дальше давай порознь».

За последние два года Мишка и сам приходил к такой мысли не один раз, поэтому с относительной лёгкостью отпустил супругу.

Через год Мишка узнал, что его жена родила мальчика.

«Возможно, она уже с кем-то встречалась, когда мы жили последние месяца вместе. Да, наверняка встречалась. Ну, дай Бог, чтобы теперь всё хорошо у Вас сложилось», – кружилось в его голове.

Накопив на квартиру и купив её в том месте, где и хотел, Мишка продолжал жить один. Ничего и никого не хотелось.

«А что, тридцать семь – это не срок», – всё чаще повторял он.

И вот, когда потянулась вереница размеренных скучных дней, в конце рабочей недели, спланировав работу своих подчинённых наперёд, Мишка отправился домой.

Эта была обычная пятница обычной рабочей недели. Так не хотелось идти домой. Не хотелось звонить друзьям, подругам, хотелось просто пройтись по парку, по мостовой, по закоулкам и тем дорожкам, по которым бегал в детстве. Вспомнилось, как ходил по этим дорожкам с отцом на рыбалку, едва удерживая от ветра четырёхметровые неразборные удочки. Вспомнилось разочарование в глазах матери, увидевшей улов и понимающей, что теперь добрую половину дня придётся обрабатывать рыбу, отчищая её от чешуи и потрохов. Вспомнилось, как наперегонки с сестрой мчались до почты, чтобы купить марки в свои коллекции. Как с гордостью показывали эти коллекции матери с отцом. Как все эти события наполняли жизнь новой радостью, новым смыслом. Как хотелось, чтобы ночь пролетала мгновенно, и чтобы вновь наступил радостный, задорный, эмоциональный, насыщенный и неповторимый новый день. И стало так как-то грустно от того, что сейчас эти новые дни стали обыденными, предсказуемыми, серыми.

«Давно не был у матери с сестрой, может махнуть к ним на выходные», – подумалось вдруг.

На улице уже почувствовался прохладный вечерний ветерок. С серого неба то и дело накрапывал редкий дождь. И лишь когда погода совсем стала хмурой, и дождь усилился, мысли о счастливых детских днях улетучились.

Немного промокший, но довольный прогулкой Мишка поужинал, поставил горячий бокал с чаем около окна и сел около него. Он любил смотреть на вид из окна, особенно в дождь. За окном семнадцатого этажа был прекрасный вид на парк и реку с мостами и причалами.

«Хорошо здесь, но временами так хочется отсюда свалить», – скользнула игривая мысль. Мишка глянул с грустью в окно, в которое начал с усилением бить дождь и с прозрением в сознании вспомнил, как когда-то эту фразу произнесла одна девушка в далёкой деревушке. Прошло три года, как она это сказала.

«Интересно как у неё сейчас сложилась жизнь».

Но, ехать к ней Мишка не собирался, вспомнил как факт, и тут же телефонный звонок унёс его сознание в реальность со своими рабочими заботами и обязательствами.

На следующее утро он собрался навестить своих родных. Купил несколько огромных пакетов с продуктами ранним субботним утром, как он часто любил делать, пока все вокруг спят, и направился по хорошо знакомой трассе к матери с сестрой.

Утро было ясным, дорога свободная, и казалось природа приветствовала на каждом километре одинокий Мишкин BMW. Как приятно всё-таки ранним слегка туманным утром ехать по пустой широкой дороге на свеженьком авто, негромко слушая любимую музыку и наслаждаясь пробуждением дня.

Сделав пару остановок на дороге, взбодрившись, пробегаая пару кругов вокруг машины, он снова сел за руль и ехал с чистыми светлыми мыслями к своим родным. Но вдруг он увидел, как дальше по ходу его маршрута два парня толкают в кювете старенький «Москвич».

«Эх, бедолаги... кто, если ни я им поможет», – с этой мыслью Мишка остановил машину неподалёку от слетевших с трассы парней.

«Здорова парни, трос есть?»

«Есть, чё, дёрнешь? Не жалко «коробас»? Ты на автомате?»

Мишка усмехнулся...: «Кидай сюда крюк».

Когда уже обе машины ровно стояли на трассе, парни рассказали, что слетели ночью с дороги, когда лил шквалистый дождь. Пока толкали машину, сожгли сцепление и теперь не знают, как добираться домой.

«А живёте-то далеко?»

«Ну, километров десять-пятнадцать до свёртка и там потом по грунтовой дороге километра четыре», – с надеждой произнесли измученные ребята.

«Ну, давайте аккуратненько за мной, трос вроде нормальный ещё, выдержит, только в зад не прижимите, когда буду тормозить у свёртка».

Один парень сел за руль «Москвича», а один рядом с Мишкой, чтобы показывать дорогу. Ехали не спеша, разговаривали, съехали в нужный свёрток дороги, потихоньку переезжая ямки и бугорки, и только когда парень сказал, что сейчас будет яма по правой стороне здоровенная, которую нужно объехать, Мишка понял, по какой дороге он едет.

За три года Мишка ездил в деревню к матери пять – шесть раз, он, конечно, вспоминал, как свернул не туда, но никак не мог найти этот съезд, да и не искал сильно-то. Дорога сильно изменилась.

«Теперь тут ездят только местные деревенские, – сказал парень с соседнего сиденья, – это раньше тут трасса лежала, а сейчас дорога заросла, асфальт вздыбился, потрескался».

«Вот почему я не узнал сразу эту дорогу», – проговорил про себя Мишка... Как и куда ехать дальше он представление уже имел. Действительно странное стечение обстоятельств. Парни жили в той же самой деревушке, в которую забросило три года назад Мишку. Он довёз парней до их дома, денег с них не взял, хоть они и предлагали, только спросил, кто живёт в том доме у края деревни. Парни ответили, что там жил их друг Гришка со своей подругой, редкостной профурсеткой, которая якобы навязывалась и к нему и к его другу Вадяну, который закатывал «Москвича» в ворота.

«Неужели это те самые Митька и Вадька, что не давали житья его старой подруге», – резанула мысль Мишкино сознание.

Парни рассказали по-дружески своему спасителю, что Гришка потом окончательно спился и ушёл жить к своим родителям, а девка та и сейчас здесь живёт и никого из парней к себе не подпускает.

Ну как тут можно было не заехать в гости, сам Бог велел.

Окна дома были открыты, и оттуда доносились речи диктора из телевизора транслирующего олимпиаду. Светка сидела на полу, укрытом паласом, спиной к окну и смотрела соревнования, щёлкая семечки и выбрасывая скорлупу через голову в окно. Диктор феерично объявил:

«Олимпийская спортсменка из России заняла...»

«И не отдаёт», – хриплым, спокойным, но повергшим в озноб Светку, прервал диктора за головой, как будто бы знакомый когда-то голос.

Девушка обернулась и обомлела. Перед ней, опершись на подоконник, стоял Мишка.

«Где ж ты был, сучёныш» – сквозь хлынувшие слёзы и улыбку кинулась обнимать его Светка.

История повторилась. Был и заваренный на травах чай, и двадцать минут не без пользы потраченные, и рассказ Светки о том, как она жила эти три года и надеялась и ждала, что он вернётся сюда, чтобы хотя бы один разок взглянуть ему в глаза и вспомнить один из самых памятных вечеров своей жизни. Светка стала ещё красивее, ещё более раскованной и более желанной. Теперь не было никаких преград для создания новой счастливой семьи и предложение Мишки стать второй женой воплотилось в реальность, только теперь уже второй женой по жизни, а не по постели.

К матери с сестрой он доехал к вечеру и не один. Светка родным понравилась, и эта симпатия была взаимной. Что ещё нужно? Фундамент новой семьи закладывался три года, и вот сегодня была снята опалубка, и был положен первый кирпич в долгосрочное строительство.

Жили в городе, отдыхать ездили на выходные в деревенский Светкин дом. Не хотелось ехать на курорты, ходить в кино, уезжать вдвоём куда-нибудь подальше, чтобы укрепить отношения... это было всё не нужно. По утрам Мишка с радостной и счастливой улыбкой уезжал на работу, а вечером с радостью спешил домой. Об этом он мечтал давно, и вот сбылось. Светка тоже нашла себе интересную работу, в реабилитационном центре, читала лекции, и они давали свои результаты.

С тех пор прошло тридцать лет.

Михаил Сергеевич по-прежнему счастлив, живёт со Светланой Викторовной, которая в радости и с любовью воспитывает двоих детей в год с разницей по возрасту. Детям было уже под тридцать, у них в жизни всё складывалось вполне закономерно и спокойно, размеренно.

И теперь, в головах наших героев, оставалась лишь одна нерешённая задача, мысль, которая с каждым днём всё больше теребила сознание. Что это всё-таки было? Есть ли на самом деле люди, способные менять сценарии судьбы, бываем ли мы в своей жизни режиссёрами своего фильма, или же всё, что происходит, происходит до малейшей детали по прописанному сценарию. Ведь вспоминая прошлое, понимаешь, что не просто так долгое время не рождались совместные дети с первой женой, что не просто так, когда-то нужно было оказаться в незнакомой деревушке. Именно таким образом нужно было познакомиться с будущей женой, и ведь не сразу, а лишь спустя только три года. Надо было решиться поехать к матери с сестрой именно в то субботнее утро, а, соответственно, надо было совершить вечернюю пятничную прогулку, навеявшую детство, воспоминание, когда с трассы слетели два деревенских «раздолбая», ведущих нашего героя именно в ту деревушку, к той же девушке. И, в конце концов, надо же было умереть отцу за день до того, как я повёз семейную фотографию, с которой и началась вся эта история.

Тогда не укладывается в голове то, как единый механизм переплетает несколько судеб, а собственно судьбы всех тех, кто участвует в нашей жизни, таким образом, чтобы обстоятельства жизни нашей складывались совершенно определённым образом. Соответственно, своей судьбой и мы регулируем ряд судеб всех тех, кого встречаем на своём жизненном пути. А если так, то это не может не касаться друзей, знакомых, знакомых наших знакомых, вплоть до случайных, или тогда уже «случайных» в кавычках, прохожих, которые в те секунды и минуты когда видят, как проходим мы, устремляют свой взор на нас, минуя то, что им видеть не нужно. Взаимные судьбосплетения образуют жизнь конкретных людей, городов, регионов, цивилизаций. Взглянуть бы на этот механизм хоть одним глазком, но судя по тому, что мы его не видим, мы не должны о нём знать...

Испытание на прочность

Поздняя осень. В детском интернате №7 все готовятся к ночлегу. За потёками наспех протёртых окон, виднеются падающие жёлтые листья деревьев. Там, за продуктовым складом уже почти скрылось солнце и нянечка, вот уже полчаса пытается уложить детей спать.

«Витя, ты чего здесь? Все уже легли, твои товарищи уже второй сон, наверное, видят, а ты здесь. Пойдём».

«Я не хочу видеть сны, няня. Потому что каждый раз мне снится один и тот же сон, который никак не сбывается».

Няня взяла меня за руку и повела в нашу спальную комнату. Ребята делали вид что спят, и только когда няня вышла, в комнате постепенно стали открывать тоскливые глаза такие же бедолаги, как и я. Когда в полусонном состоянии я перевернулся на другой бок и повернул голову на подушке в другую сторону, то почувствовал резкую боль от свежее поставленного синяка старшими ребятами. Мы не поделили на игровой площадке мяч, и я обзавёлся фингалом под глазом. Но эта боль не могла сравниться с той, которая выжигала мне сердце каждый прожитый день.

«Мама, как же так получилось, что я оказался здесь, когда же ты меня заберёшь» – тихо и беспомощно шептал я.

И вот сейчас, будучи сорокалетним мужичком, не имеющим собственного жилья, ни семьи, ни толковой работы, я по-прежнему чувствую эту грудную боль. Но один факт всё же вызывает скупую улыбку – значит осталось ещё чему болеть, есть ещё то, что чувствует, а значит выжжено не всё...

В городском аэропорту я сидел на вахте вот уже седьмой год. Кем только не приходилось работать за период своего никчёмного существования. Грузчиком был на складе, охранником отработал немерено, дворником, приёмщиком стеклотары, почтальоном, мне очень нравилась эта работа, но встретившаяся мне на пути пьяная компания отправила меня на два месяца в госпиталь, с множественными ушибами и трещиной в кости, получившую в результате удара бейсбольной битой по ноге. Но в детстве я часто дрался и привык стойко переносить боль, а раны заживут и жизнь продолжится. Здесь же в госпитале я познакомился с работником городского аэропорта, который позже помог мне сюда устроиться, и вот я работаю в этом спокойном тихом месте уже шесть с половиной лет. Место хорошее, я бесконечно благодарен, соседу по палате за то, что он помог мне сюда устроиться, к сожалению, он сам здесь проработал не долго, и вот уже лет пять я его не встречал. Служащих аэропорта я, конечно же, знаю в лицо и даже у некоторых знаю кое – что из истории.

Вон Александр Самуилович – директор нашего аэропорта, прошёл.

«Здравствуйте».

Вот идут диспетчера

«Доброе утро»

Вот уборщицы уже закончив смену, собираются домой...

«Всего доброго, до свидания...»

Ну и вот так сутки через двое. А в свободное время я убираю два подъезда в соседнем доме. Работы не так уж много, а всё, какая-никакая копеечка. Зимой конечно сложнее, сугробы наметает постоянно, но ничего, зато есть чем заняться.

Люди у нас хорошие, всегда здороваются, причём не «для галочки», а с душой, по-человечески. Работать с такими людьми одно удовольствие. Девчонки иногда из второго подъезда

пока ждут парней, перекидываются со мной словечком, пара тройка минут драгоценного общения, потом за ними приезжают дорогие иномарки с открытыми окнами, из которых грохочет музыка. Девчонкам около тридцати, а они всё гуляют, развлекаются. Такие забавные. Пару лет назад у меня была подруга с очаровательными голубыми глазами. Но потом она переехала в другой город, а я остался здесь. Были девчонки по юности, ... но это совсем уж давно было, да и не было там ничего интересного.

«Здорово, Витёк» – крикнули из-за угла. Это были два брата из третьей квартиры, мы иногда с ними сидим на лавочке по вечерам. – «Давай к нам?»

Они шли с «двушкой» пива к нашей лавочке. Я закончил сметать около подъезда и присоединился к ним.

«Ты слышал, к нам тут в шестнадцатую квартиру новые жильцы заселяются. Бабка Игнатиха квартиру продала, съехала к дочке в Ставрополь, а у нас теперь будут новые соседи, посмотрим, что там за фрукты».

«Нет, я ничего об этом не слышал»

«А вон, смотри, «зиллок» подъезжает, как раз видимо они вещи везут. Ну-ка, чё там, чё там???»

К первому подъезду подъехала легковушка, рядом встал ЗИЛ. Вышла из машины не знакомая семья, грузчики прыгнули с кузова грузовика, и принялись переносить вещи в подъезд.

Мужчина, сорока – сорока пяти лет, женщина с ним довольно состоятельно выглядит, две дочки, наверное, их, побежали за грузчиками.

«Ладно, мужики, мне завтра рано на смену, ну пересечёмся там как-нибудь, познакомимся» – и я пошёл домой, в свою комнатку, в общежитии выделенную от аэропорта.

Когда я шёл домой рядом с дорогой, то неподалёку от меня остановилась большая чёрная машина, опустилось тонированное стекло передней пассажирской двери, из которой выглянул бритый наголо мужик.

«Слышь, браток, работа не нужна тебе?» – хриплым голосом пробасил он.

Я оглянулся, вокруг меня никого не было.

«Да тебе, тебе говорю, сотка баксов в день плюс жрачка, но решать надо прямо сейчас»

«А что делать то нужно?» – поинтересовался я.

«Ты же охранником работал? Ну, вот в целом то же самое, только уровень другой. Ну, чё? Надумал?».

«Ну, я сейчас не могу... Мне утром на смену. Там если только по графику договоримся»

«Ты чё тупишь, братишь, тебе на смене за месяц платят столько, сколько здесь за два дня будешь иметь, давай решай вопрос, а завтра вечером после шести мы к тебе подъедем».

Весь вечер меня терзали сомнения: «Интересно, интересно, деньги конечно очень не помешали бы, но что там за работа такая высокооплачиваемая и почему обратились ко мне – не понятно. Увольняться пока не стал, договорился со сменщиками, чтобы пару недель вдвоём поработали без меня, а там ситуация прояснится».

Вечером следующего дня мне позвонили в дверь. На пороге стоял всё тот же бритый мужик. Не дожидаясь моего приглашения, он зашёл, бросил на мой диван, глаженный строгий костюм, большой пакет с едой и сказал, что завтра в шесть утра заедут за мной.

«Тебе к шести уже нужно быть при параде, сытому, чистому и побритому» – указывая на бороду, сказал незваный гость.

«Подождите, я же ещё не дал согласие работать с Вами?»

«А ты что, против?» – не оборачиваясь уже находясь в дверном проёме, произнёс мужик.

Отказываться было как-то не с руки, да и чувствуя интонацию – небезопасно.

«Да нет...» – с хрипотцой произнёс я.
«Значит, до шести утра» – мужик хлопнул дверью.

Я давно так вкусно не кушал, да если честно, вообще не помню, ел ли когда-нибудь что-то подобное. В оставленном пакете были свежие овощи, буженина, два вида колбас, креветки в уксусе, свежий батон, хлеб украинский, икра красная – вкусная... и ещё какие-то свёртки с печеньем и какими-то сладостями.

Права была Алентова в кинофильме «Москва слезам не верит», сказав, что после сорока жизнь только начинается. Сытый и довольный я прилёг на диван, включил старенький телевизор и незаметно задремал.

Разбудил меня стук в дверь. Когда я открыл, то увидел того самого человека, что вчера обещал заехать в шесть утра.

«Да, в общем, я так и думал, что ты ни хрена не готов будешь к шести, поэтому заехал в пять утра. Собирайся, давай» – сказал он мне, когда я уже забегал с полотенцем в ванную.

К половине шестого я был готов, и мы двинули к выходу. В машине сидел ещё один человек – водитель, он протянул мне руку с сотней долларов, и у нас воцарилась полная любовь и взаимоуважение.

Пару часов ехали по загородной дороге. Парни не обронили ни слова. Когда мы свернули к заброшенному складу, у которого толпился народ, водитель мне передал ствол и сказал:

«Обращаться умеешь, насколько мне известно, среди тех парней наших нет, так что если что, не жалея патронов. Говорить будем мы, а ты помаленьку вникай».

Мы остановились. Вышли. Нас окружили семеро здоровых парней с автоматами, один из них сделал шаг вперёд.

«Здорово парни» – окрикнул наш водитель явно не общительных на вид собеседников.

«Давай сразу к делу» – спокойным и размеренным голосом протянул вышедший к нам сгорбленный паренёк. Тогда мой новый лысый знакомый вышел к парням.

«Чё там, наши пацаны не поделили? Были вроде как все договорённости, это наше, это ваше, все в теме, к чему разговоры об этом притоне?»

«Так раньше было, сейчас по-другому. Так что не в теме получаете вы. Эту точку на прошлой неделе мы под свой контроль взяли, а ваши пацаны туда сунулись, так что не за просто так пацанов постреляли. Если «Казак» этого мало, можем и вас здесь положить, тогда наверняка уразумеет что к чему».

«Не пыли, браток, ну положите нас, мы пару, тройку человек из вас за собой на тот свет прихватим, а толку от этого будет мало, будут новые стрелы, налёты, будут дальше пацанов крошить и ваших и наших. В эту субботу будет сходняк, пускай Матвей приедет, всё там сами порешают, установят новый раздел или оставят прежний, это уже их дела. А там уже будем смотреть, кому, куда соваться не надо будет. Решат вопрос в вашу сторону, без вопросов отвалим...»

«Погоди, звонок сделаю, Матвей решит» – ответил оппонент.

Пока парень объяснял ситуацию своему хозяину, я понимал, что возможно последние секунды дышу на белом свете, что если сейчас ему дадут отказ, то нас здесь положат в мгновение, и потом никто даже и не вспомнит про нас, про меня. Я глянул на небо, оно было ясным, посмотрел на деревья вокруг, на травку... потом снял с предохранителя пистолет в кармане и со всей серьёзностью начал наблюдать за ситуацией.

Парень опустил трубку, повернулся к нам, глянул на своих ребят, мы замерли в ожидании, потом вновь прижал трубку к уху и тихо сказал: «Хорошо, я понял». Потом подошёл к нам. Сказал: «Ехать Матвей никуда не собирается. Ваш сходняк его не интересует, он работает один, есть желание предъявить – рискните, начнёте неправильно себя вести, будем стрелять. Одно уясните твёрдо – эта точка вам больше не принадлежит. Так «Казаку» и передайте, разговоров больше не будет, если по дальнейшему разделу будут вопросы, то пусть ваши покровители сами к Матвею приезжают, будем решать. Всё, свободны».

Отходить от произошедшего события я начал только в машине. Почувствовался озноб и неуправляемая дрожь в коленках. Мы ехали в загородный дом Казакова Сергея Андреевича, как видно, нового моего руководителя, боса. Я не знал, кто этот человек и чем он занимается, но ясно было одно, дела его не простые.

Нас пригласили в его рабочий кабинет, где парни рассказали о том, как прошла встреча. Как выглядели, какое оружие у них было при себе, сколько их было, на каких машинах, государственные номера с машин продиктовали под запись, а я, к примеру, даже не догадался на них взглянуть. Передали весь разговор.

Сергей Андреевич отправил парней на улицу, а мне сказал сидеть на месте. Потом достал из стола какие-то бумаги, полистал, положил их на стол и уставился на меня.

«Ну что, Виталий Игоревич, как настроение?» – я был несколько удивлён.

Читая в глазах мой немой вопрос, он продолжил: «Да знаю, знаю, много всего знаю про тебя, даже то чего ты не знаешь».

«Например?» – заинтересовался я – «и почему Вы меня называете Виталием, когда моё имя Виктор?».

«Например, то, что твоя мать, которая бросила тебя в столь раннем возрасте, жива до сих пор, и не так уж далеко отсюда живёт. Например, то, что настоящее твоё имя Сеницын Виталий Игоревич, мать впопыхах, как видно, перепутала, а может в интернате проблемы со слухом были, когда твои данные записывали».

Я молчал, не очень доверяя, но всё же было интересно. А мой начальник, встал, прошёл до ларца с коньяком, налил, выпил и продолжил: «С отцом, к сожалению, помочь не смогу, его уже лет двадцать как нет, ну а с матерью встретиться сможешь без проблем, я думаю, ты не будешь против» – он сел на своё место, отложил бумаги в сторону и уже другим тоном сказал: «Я знаю, что ты работал долгое время в охране, знаю о твоих заслугах, знаю, что умеешь стрелять, и знаю что кроме старенькой матери, которая очень нуждается в дорогостоящем лечении, у тебя никого нет, поэтому предлагаю тебе работу. Вчера положили четырёх моих ребят. Положили по беспределу, сегодня же Матвея не станет, ни его дома, ни его самого, ни его бойцов, эту проблему я решу, а моих ребят мне ни кто не вернёт. Давай дальше с нами, денег заработаешь нормально, мать на ноги поставишь и жить, наконец-то начнёшь».

«Да я, в общем, то уже дал согласие ребятам».

«А мне ещё пока нет!» – срезал начальник.

«Всё нормально, работаем. Когда я с матерью смогу увидиться?» – ответил я.

«Сейчас пацаны тебя закинут к ней, на обратном пути заберут, на следующий день. Потом будешь сам к ней ездить в свободное время. Тачку выдадим, но не сразу. Водить ты не научился?»

«Наверстаю» – с радостью ответил я.

Меня привезли в захолустную деревушку, к старому, завалившемуся под углом дому.

Парни высадили меня, дали в руки лист, на котором была фотография и ниже информация.

«Это твоя мать» – сказал уже знакомый лысый мужик – «ты до утра пообщайся, часов в девять завтра заберём тебя».

Машина уехала, а я с осторожностью зашёл в этот старый дом. В нём никого не было. Первое впечатление – «холупка» беспризорника. Прошёлся по домику. Кухня, зал, спальня, коридор – ничего этого нет. Есть только одна не очень большая комната, в которой стоит кухонный стол, два расшатанных стула, одна половина раскладного дивана, второй нет, на окнах нет занавесок, на столе нет скатерти, на диване нет покрывала, какие-то тюки с вещами, полки, еле держащиеся на отвисших гвоздях, в углу старая замызганная посуда. Нет ни холодильника, ни телевизора, ни электрического чайника, ничего из того что входит в чисто сегодняшней повседневной бытовой необходимости. Да и электричество как видно здесь отключено за неуплату. Неужели здесь действительно живёт моя мать. Пройдя по комнате, я не увидел ни одной фотографии, ни одного документа, ничего. Вышел на улицу. Ещё довольно ярко светило солнце и после тёмного барака светом непривычно ударило по глазам.

Обошёл вокруг дома. Нет никаких строений. Нет бани, нет сарая с дровами, нет даже туалета. Да нет, наверное, ребята ошиблись адресом, когда сказали, что мать живёт в этом доме, тем более дома здесь друг от друга не сильно то и отличаются. Забытое Богом место. И присесть то негде, да и чего сидеть, кого ждать, может здесь месяцами никого не бывает. Ну, осмотреться хоть что-л., что это за местность.

Ходил часа два, обошёл всю деревушку вдоль и поперёк. Очень тихий посёлок, с одним колодцем, у которого толпилось несколько человек с ведрами. А мне казалось, что коромысло и два ведра давно минули в летопись, а тут, пожалуйста, люди так живут. Одеты, конечно, они прямо скажем не богато, зато я, как белая ворона, в чёрном строгом костюме, который привлекает внимание здесь, так как нигде.

Вернулся к указанному мне дому. В нём по-прежнему никого не было. Никто не приходил, так как соломинка, упёртая мной перед уходом в дверь, как и прежде, стояла на своём месте. Я посмотрел ещё раз на лист, который мне дали нынешние сослуживцы, смял его и бросил тут же. Стал думать о том, где переночевать. Невдалеке от дома стояли три здоровенных дерева. Своими могучими ветвями они образовывали неплохой кров, на случай дождя, ну вот тут и устроюсь. Утомительный и нервный денёк выдался сегодня. И, пожалуй, теперь каждый день будет примерно таким, рискованным, опасным, но хорошо оплачиваемым. Я даже не мечтал столько зарабатывать, сколько мне предложили здесь. Это под сотню тысяч в месяц получается, если каждый день работать – думалось мне лёжа под деревьями – если этот месяц проживёшь. Я спрятал получше за пиджак пистолет, что дали мне ребята, и в думках начал как будто бы дремать.

Сквозь слабенький сон мне послышались голоса. Я продрал глаза, поднял голову и увидел, как девчушка лет восьми помогает нести полупустое ведро страшного вида старухе. Дойдя до того самого дома девчонка подняла неосторожно брошенный мной лист и воскликнула:

«Баб Поль, это ты тут на картинке!!!»

Бабка глянула на бумагу, потом на девчонку, потом стала оглядывать всё вокруг, и, увидев идущего меня, замерла в ожидании.

С каждым шагом у меня менялось душевное состояние, менялось выражение лица, менялось настроение, с сумасшедшими скоростями вертелись в голове мысли. Я не знал, радоваться или плакать, я не знал что делать, что говорить, кому я буду это что-то говорить, и будет ли этот кто-то слушать то, что я буду говорить...

Когда я подошёл, то увидел измученные, впалые тоскливые глаза преклонного возраста женщины, которая ни на секунду не отрывала от меня прожигающий взгляд.

«Чтоооо Вааам нуууужно?» – протянула агрессивно и жестоко она.

Наверное, я бы не поверил в то, что визуально можно найти что-то родное в человеке не встречавшего никогда в жизни, в моём случае не видевшего почти всю жизнь. Я не знаю, что

я увидел, не до конца понимаю, что именно дало мне понять что люди, которые меня взяли на работу не ошиблись. Глаза, как глаза, рот как рот, веки, брови, скулы, подбородок, у меня всё совсем другое, но что-то мне со сто процентной гарантией дало понять, что передо мной стоит моя мама. Та, которую я так ждал без малого сорок лет. Та, которую я всем сердцем мечтал увидеть, всем сердцем любил и ненавидел, та, которая несметное количество, раз приходила ко мне во сне. Да, да, чёрт возьми, ведь это именно она была в тех снах, что я перестал видеть много лет назад.

«Чтооо Вааам Нуужнооо?» – ещё раз, но более ожесточённо протянула она.

И сквозь хлынувший поток слёз не подчиняющихся сознанию, я тихо беззащитно и робко, как мог бы сказать тридцать с лишним лет назад тогда в детском интернате в ежесекундном ожидании, прошептал:

«Здравствуй, мама...»

Бабка обомлела. Девчонка, молча, смотрела, как у взрослого рослого мужика текут слёзы, и ничего не понимала.

«Здравствуй, мама» – уже более твёрдо, строго и с долей агрессии вымолвил я.

Бабка безмолвно смотрела в мои глаза, она всматривалась как бы в каждый атом структуры моих глаз, и лишь когда из её высушенных глаз потекли слёзы, она, склонив голову уже совсем тихо, и хрупко произнесла:

«Жив мой Виталик», и стянула платок с головы, приложив свои старческие руки к глазам.

Бабка велела девчонки идти к себе домой, а меня позвала в дом. Я взял ведро с водой и занёс в избу.

Я не знал как себя вести. Скорей обнять её и прижать к груди, как я это видел в своём воображении, пронизывая все эти годы, или же впечатать её в стену за то, что изуродовала моё детство и, по сути, всю жизнь. Ведь за все эти годы у меня не появилось ни одного друга, который бы был из полной добропорядочной семьи, ни одной подруги из светского общества. Я всю жизнь общался с такими же забытыми и брошенными в той или иной степени людьми. Я был никем, и вырос никем. Служащий на вахте городского аэропорта – это не то будущее, о котором я мечтал. Что я видел на свете? Чего я достиг? Да у меня на роже написано было всю жизнь – «Забытый Богом неудачник». Так что теперь мне делать?

Мать тоже не знала как себя вести. Я видел, что она читает каждую мою мысль, она то и дело взглядывала в мои глаза, и тут же опускала взгляд в пол. Она села на диван, предложила мне сесть рядом, но я сел напротив неё на пол. По комнате разлилась молчаливая тоскливая секундная нота, которая показалась вечностью.

«Ну, рассказывай» – тихим, но твёрдым голосом обратился к матери я.

Мать молчала. Она не смотрела на меня, сидела не шевелясь, и не знала, куда бы провалиться, от этой тяжелейшей ситуации. Сквозь слёзы и судорожное потряхивание всего организма она только и повторяла дрожащим голосом – «Виталик... мой Виталик... мой сынок... мой... живой».

Смешанные чувства полыхали во мне. И вроде бы подойти, успокоить, но не слушаются руки и ноги. Сажу на полу, смотрю, слушаю.

«Ты должно быть меня ненавидишь» – скрипучим голосом промолвила она...

Я, молча, смотрел на мать, не поддерживая диалог.

«Как ты нашёл меня?»

«Неважно» – срезал я – «ты расскажи, зачем жизнь искалечила себе и мне? Ты ведь прекрасно знаешь, что я жажду от тебя услышать, так чего ты ждёшь? Про себя, про отца моего, про меня, ну? Я сорок лет не знаю, кто я, зачем живу и за что я так живу».

«Синицын Игорь Леонидович – так звали твоего отца. Мы прожили в браке четыре года, потом появился ты. И, наверное, это было последнее радостное событие в нашей жизни».

Мать встала, подошла ко мне и села рядом на пол.

«Ты не думай, я не просто так отдала тебя в интернат. Твой отец хотел, чтобы ты рос в обеспеченной семье, не знающей бедности. Он поставил на карту всё, что мы имели, я об этом не знала, иначе конечно бы остановила, но он проигрался по крупному. Люди, на которых он рассчитывал, подвели его и скрылись с взятыми за свои услуги деньгами, а мы остались без жилья, машины и средств существования. Забрали всё. У отца после этого началось помутнение рассудка, его поместили в психиатрическую лечебницу».

Мама положила свою руку на мою и продолжила.

«Я не могла найти жильё, с работы я уволилась за месяц до этой истории, а новую ещё не нашла, и поэтому пришлось отдать тебя в интернат, сама же я уехала в объединённые арабские эмираты на заработки. Я не хотела, чтобы ты знал, кем я там работала, что я там делала, но я делала всё, чтобы заработать хоть на маленькую комнатку и вернуться за тобой. Когда же я вернулась, тебя уже не было в интернате. Информацию о тебе мне никто не дал. Самостоятельные поиски ни к чему не привели».

«Да, я в двенадцать лет сильно заболел, и меня увезли в лечебницу в Москву. Там я пробыл около полугода. Потом привезли в тамошний интернат, где я и закончил лечение и обучение. Сюда в свой родной город я вернулся только через пять лет, в Москве места мне не нашлось. Там очень дорого жить и очень сложно существовать, особенно когда у тебя никого нет».

«Значит, ты был в Москве, когда я искала тебя здесь»

«Ну а где твоя квартира то, на заработки которой ты уезжала?»

«Я не купила квартиру, приехала, кинулась тебя искать, не нашла, уехала подальше от людей, от городской суеты и обосновалась здесь. Здесь же устроилась на ферму. Платили, конечно, крохи, но мне одной много не надо, хватало. Я ходила в интернат каждую неделю в течение двух лет, ни кто ничего так и не сказал, никакой информации о тебе так и не появилось. И я жила ни жива не мертва, в поисках тебя и неведения того где ты и жив ли ты вообще. Заезжала периодически к твоему отцу, но ему становилось только хуже, хотя, странного здесь мало, от их успокаивающих препаратов лучше никому ещё не становилось. Лет двадцать уже как отъездила к нему. Он умер, а у меня после этого сильно пошатнулось здоровье. Много всего врачи говорили, отправляли в клиники столичные, но у меня уже и денег на лечение не оставалось, да и лечиться не хотелось».

Мама погладила рукой меня по плечу и тихонечко сквозь слёзы промолвила:

«А я знала, я знала, что ты жив, чувствовала, и, конечно, надеялась пусть на короткую, но встречу, хоть на миг взглянуть в твои глаза, а увидев тебя сегодня – не сразу поняла кто передо мной».

У неё хлынули слёзы, куда большим потоком, я обнял её и сказал: – «Ну ладно, ладно, дождалась ведь всё-таки. Теперь всё будет по-другому».

Я рассказал о том, как жил все эти годы, как ждал и надеялся отыскать родную мать, как побросала судьба меня по разным складам да вахтам, как и где, приходилось работать, и где работаю я сейчас. В подробности настоящей работы вдаваться не стал, чтобы не создавать новых стрессов, сказал, что всё хорошо, что дом подыдем и здоровье поправим. Принёс матери воды с запасом, мы навели порядок в доме, разобрали все углы, наспех приготовили скромный ужин, на салат набрали в соседском огороде овощей, там, у матери договорённость на десять квадратов земли, а за хлебом я сбегал, ну и купил там ещё много всего. Когда мы поужинали,

и сели на диван, то глаза у мамы были как у совсем другого человека, нежели несколько часов назад. Я понял, что она обрела спокойствие, обрести которое ей было не суждено много лет до сегодняшнего дня. Да и я, конечно, тоже был счастлив как никогда раньше, я нашёл её, я всё-таки это сделал.

На следующее утро за мной заехали, и, обняв на прощание маму, я пообещал, что не потеряю её больше никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.